

Научная статья

УДК 82-7

DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-42-50

Маяковский и Тютчев в стихотворении Б. Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...»

Мария Марковна Гельфонд

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Нижний Новгород, Россия

mgelfond@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0865-0724>

Аннотация

В статье предпринимается попытка прочтения заглавного стихотворения третьей книги Б. Л. Пастернака на фоне двух хрестоматийных произведений русской лирики – стихотворения «А вы могли бы?» В. В. Маяковского и «Весенней грозы» Ф. И. Тютчева. Произведение В. В. Маяковского представляется объектом мировоззренческой полемики Б. Л. Пастернака. В первых строфах своего стихотворения Б. Л. Пастернак задает важнейшую для ранней лирики В. В. Маяковского оппозицию «поэт» vs «обыватели», о категорическом неприятии которой пишет затем в «Охранной грамоте». В стихотворении «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...» эта оппозиция последовательно преодолевается через ряд точек, в равной мере значимых для Маяковского и Пастернака. Действие обоих стихотворений разворачивается в подчеркнуто антипоэтическом пространстве (дешевое кафе у Маяковского, вагон поезда на провинциальной железнодорожной ветке у Пастернака). Актом взаимодействия с миром становится чтение лирическими героями сугубо утилитарных текстов – меню («карты будня») у Маяковского, расписания поездов у Пастернака. Именно оно и обнаруживает глубинное несходство поэтических установок: если герой Маяковского приходит в мир с целью кардинально преобразить его, то герой Пастернака – с целью прочесть мир как книгу и осознать его во всей его полноте. Далее полемика переходит на космогонический уровень: садящееся солнце соболезнает лирическому герою Пастернака и – годом позже – принимает вызов лирического героя Маяковского («Необычайное приключение...»). Множественные точки сближения обнаруживаются и между стихотворением Б. Л. Пастернака и «Весенней грозой» Ф. И. Тютчева. Они касаются практически всех уровней поэтического текста: фонетического, лексического, мотивного. Именно ориентация на «Весеннюю грозу» позволяет снять заложенное в стихотворении противоречие, связанное со временем его действия. Взаимодействие со стихотворениями Тютчева и Маяковского позволяет, как нам представляется, встроить ключевое стихотворение раннего Пастернака в ту мировоззренческую динамику, которую он затем последовательно описывает в «Охранной грамоте».

Ключевые слова

Пастернак, «Сестра моя – жизнь», Маяковский, Тютчев, интертекст, диалог в лирике

Для цитирования

Гельфонд М. М. Маяковский и Тютчев в стихотворении Б. Л. Пастернака «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе...» // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 42–50. DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-42-50

© Гельфонд М. М., 2022

ISSN 2410-7883

Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 42–50

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 2, pp. 42–50

Mayakovsky and Tyutchev in B. L. Pasternak's "My Sister Is Life and Today in Flood..."

Mariya M. Gelfond

National Research University Higher School of Economics
Nizhny Novgorod, Russian Federation
mgelfond@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0865-0724>

Abstract

The article attempts to read the title poem of the third book of B. L. Pasternak against the background of two poems – "Could you?" by V. V. Mayakovsky and "Spring Thunderstorm" by F. I. Tyutchev. The poem of V. V. Mayakovsky seems to be the object of B. L. Pasternak's discussion. In the first stanzas of his poem B. L. Pasternak sets the most important for the early lyrics of V. V. Mayakovsky, the opposition «poet» VS «philistines», about the categorical rejection of which he then writes in his later autobiographical prose. In the poem "My sister is life and today in flood..." this opposition is consistently overcome through a series of points that are equally significant for Mayakovsky and Pasternak. The action of both poems takes place in an emphatically anti-poetic space (a cheap cafe at Mayakovsky's, a train car on a provincial railway line at Pasternak's). An act of interaction with the world becomes the reading of purely utilitarian texts by lyrical heroes – Mayakovsky's menu ("maps of everyday life"), Pasternak's train schedules. It is precisely this that reveals the deep dissimilarity of poetic attitudes: if Mayakovsky's lyrical person comes into the world with the goal of radically transforming it, then Pasternak's hero comes to read the world like a book and realize it in its entirety. Further, the controversy moves to the cosmogonic level: the setting sun sympathizes with the lyrical hero Pasternak and, a year later, accepts the challenge of the lyrical hero Mayakovsky ("An Extraordinary Adventure..."). Multiple points of convergence are also found between B. L. Pasternak and "Spring Thunderstorm" by F. I. Tyutchev. They concern practically all levels of the poetic text: phonetic, lexical, motive. It is the focus on the "Spring Thunderstorm" that allows you to remove the contradiction inherent in the poem, associated with the time of its action. Interaction with the poems of Tyutchev and Mayakovsky makes it possible, it seems to us, to embed the key poem of the early Pasternak into that worldview dynamics.

Keywords

Pasternak, "My sister is life", Mayakovsky, Tyutchev, intertext, dialogue in lyrics

For citation

Gelfond M. M. Mayakovsky and Tyutchev in B. L. Pasternak's "My Sister Is Life and Today in Flood..." *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2022, no. 2, pp. 42–50. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-42-50

«Книга книг» Б. Л. Пастернака и ее заглавное стихотворение изучены более чем досконально: достаточно назвать работы А. К. Жолковского [2011], С. Н. Бройтмана [2007], Ст. Гардзонио [1999], М. Л. Гаспарова и И. Ю. Подгаецкой [2008] и многих других. Но и особый для самого Б. Л. Пастернака, «программный» статус стихотворения, и множество смысловых противоречий, не снимаемых в рамках различных интерпретаций, позволяют обращаться к нему вновь и вновь. В частности, представляется, что некоторые важные смыслы заглавного стихотворения «Сестры моей – жизни» могут быть увидены при сопоставлении его со столь же значимыми текстами двух очень важных для Пастернака поэтов –

Маяковского и Тютчева. Речь идет о стихотворениях «А вы могли бы?» и «Весенняя гроза», каждое из которых – вероятно, как раз в силу их хрестоматийности, резонирует с «Сестрой моей – жизнью...» не столько реминисцентно, сколько тематически и мировоззренчески.

Исходной точкой полемики Пастернака с Маяковским становится уже первая строфа стихотворения. В основе его лирической ситуации – противопоставление поэта и носителей принципиально иного, нежели поэт, сознания. Мировоззрение первого обозначено притяжательным местоимением начальной строки: «Сестра моя – жизнь...» (Пастернак, т. 1, с. 116) (курсив здесь и далее мой. – М. Г.). Ему противостоят – «все», именуемые далее «людьми в брелоках» (Там же). Они заведомо, хотя и скрыто недоброжелательны по отношению к герою, «высоко брюзгливы и вежливо жалят, как змеи в овсе» (Там же). Значима здесь уже первая предметная деталь – брелоки, метонимически замещающая карманные часы; «люди в брелоках» – те, кто сверяет по ним время. Здесь можно услышать и скрытый отголосок знаменитой грибоедовской формулы, поскольку при всей сложности своего мироощущения герой всё-таки счастлив – и часов, разумеется, не наблюдает. Далее эти «люди в брелоках» – по сюжету стихотворения, вероятно, провожающие героя в поездку или отговаривающие его от нее, – будут названы «старшими». Само это слово, употребляемое как субстантив, заставляет вспомнить толстовскую трилогию (не забудем, что годом позже Пастернак будет писать выросшую, по его признанию, из «Сестры...» повесть «Детство Люверс» – очевидную вариацию на тему толстовского «Детства»). Эта – вероятно, невольная, – отсылка к речи взрослеющего Николеньки Иртеньева маркирует «детство» или «отрочество», т. е. принципиальную «невзрослость» пастернаковского героя. Очевидно, что «людям в брелоках», обладающим собственными неопровержимыми «резонами» и высмеивающим «резоны» героя, в силу самой их ограниченности не дано увидеть нечто чрезвычайно значимое для героя, они не в силах приблизиться к его пониманию мира.

Подобная ситуация противопоставления себя как поэта «другим» – носителям практического, антипоэтического сознания – разворачивается в программном стихотворении Маяковского «А вы могли бы?»: антагонистам лирического героя изначально отказано в возможности сыграть ноктюрн на «флейте водосточных труб» (Маяковский, т. 1, с. 40). Но если для Маяковского такое противопоставление абсолютно органично, то в контексте третьей поэтической книги Пастернака оно представляется скорее странным или по крайней мере запоздалым. Описывая «явление» своей главной на тот момент книги в «Охранной грамоте», Пастернак последовательно подчеркивает тот внутренний запрет, который он наложил на «романтическое» видение мира именно после встречи с Маяковским и осознания его мощного воздействия.

«Время и общность влияний роднили меня с Маяковским. У нас имелись совпадения. Я их заметил. Я понимал, что если не сделать чего-то с собою, они в будущем участвят. От их пошлости его надо было уберечь. Не умея назвать этого, я решил отказаться от того, что к ним приводило. Я отказался от романтической манеры. Так получилась неромантическая поэтика “Поверх барьеров”. Но под романтической манерой, которую я отныне возбранял себе, крылось целое мировосприятие. Это было понимание жизни как жизни поэта» (Пастернак, т. 3, с. 226). Далее в «Охранной грамоте» Пастернак пишет о том, что «...вне ле-

генды романтический этот план фальшив. Поэт, положенный в его основание, немислим без непоэтов, которые бы его оттеняли» (Там же). Рождение своей третьей книги Пастернак связывает именно с окончательным отказом от этой романтической манеры: «Когда же явилась “Сестра моя, жизнь” <...> мне стало совершенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали» (Там же, с. 227). Неслучайно в ходе работы над книгой Пастернак отверг среди ряда других эпиграф из «Облака в штанах»: «Как в зажившее ухо / Втиснуть им тихое слово?» (Пастернак, т. 1, с. 454), основанный именно на противопоставлении поэта и «всех». Отказ от романтической манеры и совпадений с Маяковским был для Пастернака одной из смысловых доминант «Сестры...» – и тем парадоксальнее, что заглавное стихотворение книги начинается с ситуации, подчеркнута свойственной поэзии Маяковского, коррелирующей с программным «А вы могли бы?»).

Между тем близость двух лирических ситуаций сохраняется и далее. Прежде всего отметим, что в обоих стихотворениях лирический сюжет разворачивается в пространстве подчеркнуто бытовом, не просто не поэтическом, но в какой-то мере, с учетом блоковской поэзии, и антипоэтическом. У Маяковского это дешевый ресторан с его «блюдом студня» и «чешуей жестяной рыбы» в качестве вывески [Вайскопф, 1997, с. 73–74; Топоров, 2000], у Пастернака – вагон третьего класса на провинциальной железнодорожной ветке, в котором «высоко брюзгливые» «люди в брелоках» сменяются совсем иными попутчиками – «мирными сельчанами в захолюстном вине» (Пастернак, т. 1, с. 116). И обед, и поездка героев, в свою очередь, определяют характер того сугубо прагматического текста, который оказывается перед ними. Это «карта будня» у Маяковского и «поездов расписание» у Пастернака. И то, и другое обладает общедоступной утилитарной функцией: меню читают для того, чтобы сделать заказ, расписание поезда – чтобы узнать точное время его прибытия. При этом и «карта будня», и «поездов расписание» становятся в обоих поэтических текстах мощными метафорами, каждая из которых едва ли не равносильна Книге Бытия.

О. А. Лекманов отмечает, что «карта будня» в стихотворении Маяковского – это «список кушаньям, роспись блюдам», обладающая вместе с тем сильным метафорическим потенциалом [Лекманов, 2001] (отметим и кальку с французского *carte du jour*). Бытовой документ, относимый к заведомо низкой для поэта сфере человеческого существования, обретает в «рубешном» [Большухин, Александрова, 2018] стихотворении Маяковского статус книги жизни, которую преобразует поэт. Герой стихотворения разрушает и преображает «карту будня», сотворяя тем самым мир заново. В сущности, он берет на себя роль демиурга. Неоднократно было замечено, что создаваемый им образ имеет антропоморфные – скулы, губы – хотя и не завершенные черты [Вайскопф, 1997; Топоров, 2000; Большухин, Александрова, 2018]. Добавим, что поэт создает здесь не только человека, но и мир, в буквальном смысле отделяя воду от суши («я показал на блюде студня / косые скулы океана» (Маяковский, т. 1, с. 40)). Исходная ситуация у Пастернака очень близка к этой, но дальше возникает принципиальное расхождение с позицией Маяковского – мир не разрушается и не претворяется, а напротив, *прочитывается* во всей своей сложности, и «поездов расписание» становится сакральным текстом, превышающим по своей важности Святое Писание. Сквозь будничное и оче-

видное герой Пастернака прозревает великое и приближается тем самым к той мысли, которая будет высказана позже Николаем Николаевичем Веденяпиным в романе «Доктор Живаго»: «...самое главное то, что Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна» (Пастернак, т. 4, с. 44). Думается, что одним из первых – и очень точно – считал это Е. И. Замятин, перекодировав в романе «Мы» пастернаковскую строчку в упоминание о «величайшем из дошедших до нас памятников древней литературы» – «Расписании железных дорог» [Замятин, 2003, с. 218]. Предельно бытовой документ обретает у Пастернака черты сакрального текста, которые проявляются только при определенных условиях – «что в мае, когда поездов расписание / камышинской веткой читаешь в купе» (Пастернак, т. 1, с. 116). Ветхозаветная аллюзия, связанная с «камышинской веткой» – «двойная отсылка к истории Моисея» – была отмечена А. К. Жолковским [2011, с. 120–121]. Можно предположить, что если Маяковский, преобразая мир, *создает* нечто подобное скрижалем Моисея в продолжающем «А вы могли бы?» стихотворении «Вывескам»: «Читайте железные книги / Под флейту золоченой буквы» [Большухин, Александрова, 2018], то Пастернак *считывает* смыслы, созданные задолго до него. Тем самым роль поэта в осмыслении Пастернака становится принципиально иной: это не сотворение, а *понимание* мира.

Это же расхождение обнаруживается и в следующей значимой перекличке. Пастернаковскому герою, изменившему в ходе лирического сюжета, свое отношение к миру, начинают сочувствовать не только люди, но и само мироздание: «С матрацев глядят, не моя ли платформа / И солнце, садясь, соболезнает мне» (Пастернак, т. 1, с. 116). Эта ситуация резко контрастирует с той, которая возникнет у Маяковского в «Необычайном приключении...», написанном годом позже – летом 1918 г., где солнце спускается к поэту, отвечая на его дерзкий вызов: «Я крикнул солнцу: “Слазь! Довольно шляться в пекло”» (Маяковский, т. 2, с. 36). – «С матрацев глядят, не моя ли платформа / И солнце, садясь, соболезнает мне» (Пастернак, т. 1, с. 116). Разумеется, у нас нет оснований для того, чтобы говорить здесь о прямом ответе Маяковского Пастернаку. Речь идет скорее о развитии намеченной тенденции уже на ином, космогоническом, уровне: у Пастернака антитеза «поэт» vs «все остальные» окончательно снимается, у Маяковского получает дальнейшее катастрофическое развитие.

Глобальный вопрос о взаимодействии поэта и мира не отменяет частного вопроса о том, когда именно разворачивается действие пастернаковского стихотворения. В комментариях, восходящих, в свою очередь, к письмам Б. Л. Пастернака и той же «Охранной грамоте», говорится о том, что в стихотворении «отразилась поездка Пастернака в начале июля 1917 года в деревню Романовка Саратовской губернии к Елене Виноград» (Пастернак, т. 1, с. 458). Однако единственная сугубо летняя деталь – «змеи в овсе», отсылающая к зениту или концу лета (овсу надо успеть вырасти) – появляется в стихотворении только в составе сравнения и относится не столько ко времени года, сколько к изначальным антагонистам поэта. Сам же текст стихотворения летней (июльской!) поездке скорее противоречит: уже в первых его строчках названа весна: «Сестра моя – жизнь, и сегодня в разливе / Расшиблась весенним дождем обо всех...» (Пастернак, т. 1, с. 116), а позже конкретизирован май: «Что в мае, когда поездов расписание / Камышинской вет-

кой читаешь в купе...» (Пастернак, т. 1, с. 116). Тем самым поездка, которая в реальности пришлась на июль, поэтически осмыслена как майская. И это – в совокупности с весенним дождем – разумеется, заставляет вспомнить хрестоматийное тютчевское стихотворение «Весенняя гроза».

Прежде всего отметим его эмоциональную близость с пастернаковским стихотворением. Свойственное «Весенней грозе» «настроение радостной катастрофы», «состояние радостного потрясения» [Чумаков, 2008, с. 253] точно резонирует с чувством пастернаковского героя, напряженное счастье которого готово в любой момент «расшибиться», «обрушиться». Первые строки обоих стихотворений резко включают героев в мир, задают мощную субъективность их восприятия: «Люблю грозу в начале мая...» (Тютчев, т. 1, с. 60) // «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе / Расшиблась весенним дождем обо всех...» (Пастернак, т. 1, с. 116). Оба стихотворения создают картину охваченности мира единым чувством, вовлекающим в происходящее всё новых и новых его участников. На синтаксическом уровне это подчеркивается сочинительной связью с союзом «и»: «И гам лесной, и шум нагорный...» (Тютчев, т. 1, с. 60) // «С матрацев глядят, не моя ли платформа...» (Пастернак, т. 1, с. 116), «И в третий, плеснув, уплывает звоночек...» (Там же), «И рушится степь со ступенек к звезде» (Там же). Вершиной этого включения в чувство, охватившее все мироздание и как бы растворившегося в нем лирического героя, становится присоединение к нему солнца, в обоих случаях венчающее строфу: «И солнце нити золотит» (Тютчев, т. 1, с. 60) // «И солнце, садясь, соболезнет мне» (Пастернак, т. 1, с. 116). Мир и у Тютчева, и у Пастернака сверху донизу пронизан взаимными отражениями, пониманием и коммуникацией. Высокое соединение счастья и совершающейся (у Тютчева) или грядущей (у Пастернака) катастрофы происходит как бы в непосредственном присутствии высших сил: у Тютчева они – «ветренная Геба» и «Зевесов орел» – названы, у Пастернака не названы, но благодаря строке о «святом писанье» вполне ощутимы.

За сходством лексического и эмоционально-синтаксического строя обнаруживается и чрезвычайная фонетическая близость. Звуковой облик пастернаковского стихотворения как бы варьирует тот, который был задан Тютчевым. Фонетический комплекс первой тютчевской строфы: «гроза – гром – резвяся – играя – грохочет – голубом» – охватывает прежде всего высшее, небесное пространство; «вторая строфа спускает нас с неба на землю» [Чумаков, 2008, с. 278], но и здесь взгляд героя устремлен прежде всего ввысь, тогда как у Пастернака он сразу охватывает всё мироздание и включает в него человека: «резоны – бесспорно – бесспорно – резон – грозу – глаза – газоны – сырой – резедой – горизонт». Эта «связь звуковых форм и пространственных образов» [Там же] вряд ли случайна; она – еще одно свидетельство той счастливой катастрофы, которая охватывает обоих героев: тютчевского – как свидетеля, пастернаковского – как равноправного участника.

Фонетическая близость двух стихотворений как бы подтверждается и близостью мотивных структур, заданных всё тем же образом грозы. Ю. Н. Чумаков выделяет в «Весенней грозе» четыре основных мотива: дождь – летящая пыль – ветер (неназванный) – солнце [Там же]. Интересно, что эти же мотивы у Пастернака не просто соответствуют тютчевским, но соответствуют в той же последовательности. По наблюдению М. Л. Гаспарова, в «Весенней грозе» есть «переста-

новка природных явлений»: в реальности пыль летит до, а не после дождя [Гаспаров, 1990]. Сохраняется эта перестановка и у Пастернака – по крайней мере в том порядке, в котором названы эти явления (очевидно, что «черными от пыли и бурь» канапе могли стать и до дождя).

Кажется, что этими многочисленными чертами пастернаковская переключка с Тютчевым не ограничивается. Она выходит и на другой уровень, когда характерный для Тютчева переход на «ты» – обращение к невидимому собеседнику или возлюбленной – в пастернаковском стихотворении словно бы раздваивается. «Ты» – это и обращение к герою тех самых «людей в брелоках», на чью позицию он становится, показывая ее уязвимость: «Беспорно, беспорно, смешон твой резон, / Что в грозу лиловы глаза и газоны / И пахнет сырой резедой горизонт» (Пастернак, т. 1, с. 116) (сравним у Тютчева: «Ты скажешь, ветреная Геба...» (Тютчев, т. 1, с. 60)). Вместе с тем в заключительной строфе у Пастернака (как и у Тютчева) появляется та мнящаяся герою возлюбленная («Мигая, моргая, но спят где-то сладко / И фата-морганой любимая спит...» (Пастернак, т. 1, с. 116)), сочувствия и понимания которой он ждет.

Таким образом, стихотворение Пастернака встраивается в два контекста, условно значимых для него. Влиянием Тютчева было отмечено пастернаковское обращение к поэзии, прежде всего сборник «Близнец в тучах»; мощным воздействием Маяковского и стремлением избавиться от него – период, непосредственно предшествовавший «Сестре моей – жизни». Вне зависимости от того, в какой мере Пастернак ориентировался на эти два стихотворения, они жили в нем; в вольной или невольной полемике с первым и взаимодействии со вторым он выстраивает контуры своей главной книги; его программное стихотворение становится точкой столкновения разных влияний. Не об этом ли Пастернак пишет в «Охранной грамоте», когда говорит о том, что революционным летом ему открылись «совсем несовременные стороны поэзии» (Пастернак, т. 3, с. 227)? Можем уточнить – несовременные по-тютчевски в революционное лето Маяковского.

Список литературы

Большухин Л. Ю., Александрова М. А. «А вы могли бы?» Маяковского как «рубежный» текст // Вестник С.-Петерб. ун-та. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 4. С. 590–604.

Бройтман С. Н. «Сестра моя – жизнь и сегодня в разливе» // Бройтман С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь». М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 213–220.

Вайскопф М. Я. Во весь Логос: Религия Маяковского. М.; Иерусалим: Саламандра, 1997. 175 с.

Гардзонио Ст. Сестра моя жизнь Б. Л. Пастернака и наследие св. Франциска Ассизского // Poetry and Revolution. Boris Pasternak's My Sister Life. Stanford, 1999. P. 66–75.

Гаспаров М. Л. Композиция пейзажа у Тютчева // Тютчевский сборник: статьи о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана. Таллин: Ээсти раамат, 1990. С. 5–31.

Гаспаров М. Л., Подгаецкая И. Ю. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М.: Изд. центр РГГУ, 2008. 185 с. (Чтения по истории и теории культуры, 55)

Жолковский А. К. Книга книг Пастернака: О заглавном тропе «Сестры моей – жизни» // Жолковский А. К. Поэтика Пастернака: Инварианты, структуры, интертексты. М.: НЛЮ, 2011. С. 117–150.

Лекманов О. А. «Карта будня» // Русская речь. 2001. № 5. С. 54–55.

Топоров В. Н. Флейта водосточных труб и флейта-позвоночник (внутренний и внешний контексты) // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–423.

Чумаков Ю. Н. Пушкин. Тютчев. Опыт имманентных рассматриваний. М.: ЯСК, 2008. 411 с.

Список источников

Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. / Сост., подгот. текста и коммент. Ст. С. Никоненко, А. Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. Т. 2: Русь. 590 с.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: ГИХЛ, 1955–1961.

Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. с прилож.: В 11 т. М.: Слово / Slovo, 2005.

Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: В 6 т. М.: Классика, 2003.

References

Bolshukhin L. Yu., Aleksandrova M. A. “A vy mogli by?” Mayakovskogo kak “rubezhnyy” tekst. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literature [Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature]*, 2018, vol. 15, no. 4, pp. 590–604. (in Russ.)

Broytman S. N. “Sestra moja – zhizn’ i segodnya v razlive” [“My sister, my life is still in flood today”]. In: Broytman S. N. *Poetika knigi Borisa Pasternaka “Sestra moja – zhizn’” [Poetics of Boris Pasternak’s book “My sister is life”]*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2007, pp. 213–220. (in Russ.)

Chumakov Yu. N. *Pushkin. Tyutchev. Opyt immanentnykh rassmotreniy [Pushkin Tyutchev. The experience of immanent considerations]* Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury, 2008, 411 pp. (in Russ.)

Gardzonio St. *My Sister, the life of B. L. Pasternak and the legacy of St. Francis of Assisi*. In: *Poetry and Revolution. Boris Pasternak’s My Sister Life*. Stanford, 1999, pp. 66–75. (in Russ.)

Gasparov M. L. *Kompozitsiya peyzazha u Tyutcheva. Tyutchevskiy sbornik: stat’i o zhizni i tvorchestve F. I. Tyutcheva [Tyutchev collection: articles about the life and work of F. I. Tyutchev]*. Ed. by Yu. M. Lotman. Tallinn, Eesti raamat, 1990, pp. 5–31. (in Russ.)

Gasparov M. L., Podgaetskaya I. Yu. “Sestra moja – zhizn’” Borisa Pasternaka. *Sverka ponimaniya [“My sister is the life” by Boris Pasternak. Reconciliation of understanding]*. Moscow, RSUH Press, 2008, 185 pp. (in Russ.)

Lekmanov O. A. “Karta budnya”. *Russkaya rech’ [Russian speech]*, 2001, no. 5, pp. 54–55. (in Russ.)

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Toporov V. N. Fleyta vodostochnykh trub i fleyta-pozvonochnik (vnutrenniy i vneshniy konteksty). In: Poeziya i zhivopis'. Sb. trudov pamyati N. I. Khardzhieva [Poetry and Painting. Sat. works in memory of N. I. Khardzhiev]. Moscow, Yazyki ruskoy kul'tury, 2000, pp. 380–423. (in Russ.)

Vayskopf M. Ya. Vo ves' Logos: Religiya Mayakovskogo [At the top of my voice. Mayakovsky's Religion]. Moscow, Jerusalem, Salamandra, 1997, 175 pp. (in Russ.)

Zholkovskiy A. K. Kniga knig Pasternaka: O zaglavnom trope "Sestry moey – zhizni". In: Zholkovskiy A. K. Poetika Pasternaka: Invarianty, struktury, interteksty [Pasternak's Poetics: Invariants, Structures, Intertexts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, pp. 117–150. (in Russ.)

List of Sources

Mayakovskiy V. V. Complete Collected Works. In 13 vols. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Khudozhestvennoy literatury, 1955–1961. (in Russ.)

Pasternak B. L. Complete Collected Works, with application. In 11 vols. Moscow, Slovo / Slovo, 2005. (in Russ.)

Tyutchev F. I. Complete Collection of Works and letters. In 6 vols. Moscow, Klassika, 2003. (in Russ.)

Zamyatin E. I. Collected Works. In 5 vols. Comp., prep. and comment. by St. S. Nikonenko and A. N. Tyurina. Moscow, Russkaya kniga, 2003, vol. 2, 590 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Марковна Гельфонд, доцент Департамента литературы и межкультурной коммуникации, академический руководитель ОП «Филология»

Information about the Author

Mariya M. Gelfond, Associate Professor of the Department of Literature and Intercultural Communication, Academic Supervisor of the EP "Philology"

*Статья поступила в редакцию 10.09.2022;
одобрена после рецензирования 12.10.2022; принята к публикации 12.10.2022
The article was submitted 10.09.2022;
approved after reviewing 12.10.2022; accepted for publication 12.10.2022*